

О ДЕБАРТЕРИЗАЦИИ И ДРУГИХ АСПЕКТАХ ДИНАМИКИ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В «ПУТИНСКОЙ РОССИИ»

РОЗМАЙНСКИЙ ИВАН ВАДИМОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент,
Государственный университет — Высшая школа экономики,
Санкт-Петербургский филиал,
Электронный адрес: rozvital@inbox.ru

Работа представляет собой попытку разрешить загадку дебартеризации российской экономики в начале XXI века в контексте институционально-макроэкономического анализа структуры платежной системы. Эта система рассматривается как важная часть институциональной среды. Дебартеризация объясняется сочетанием длительного оживления экономической конъюнктуры, увеличения коэффициента монетизации и роста кредитной активности банков, а также административного и налогового прессинга со стороны правительства.

Однако по ряду важных характеристик наша платежная система коренным образом отличается от западной системы. Ключевые отличия, поддающиеся измерению, — низкий коэффициент монетизации, большая доля наличных денег в общей денежной массе, несформированность денежных агрегатов М3 и М4. Основные причины подобной недоразвитости денежной системы — низкая степень государственной защиты прав собственности и контрактов, административные барьеры входа на различные рынки, взаимное недоверие экономических субъектов, большая доля теневого сектора. Основные же последствия указанной подобной недоразвитости — суженные возможности финансирования долгосрочных и дорогостоящих инвестиций, а также испытания, внедрения и диффузии инноваций.

Ключевые термины: дебартеризация; коэффициент монетизации; структура денежных агрегатов; денежное обращение; институциональная среда.

This work is an attempt to explain an enigma of the Russian economy's debarterization which took place in the beginning of the XXI century in the context of institutional-and-macroeconomic analysis of the structure of payments' system. This system is treated as the important part of an institutional environment. Debarterization is explained by a combination of long economic expansion, increasing «money supply/GDP» ratio and growing credit activity of the banks, and also administrative and tax pressing of the government.

Nevertheless, the Russian payments' system is basically different from the Western one. The main measured differences are low «money supply/GDP» ratio, high «cash money/total money supply» ratio, an absence of M3 and M4 aggregates. The main causes of this underdevelopment of the payments' system are ineffective enforcement of the contracts by the state, high administrative barriers to entry, a lack of mutual trust, big shadow sector. The main consequences are narrow possibilities for financing both expensive (and long-lived) investment projects and innovative activity.

Keywords: debarterization; money supply/GDP ratio; structure of monetary aggregates; monetary circulation; institutional environment.

Коды классификатора JEL: E02, E52, B52.

1. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, на протяжении 1990-х гг. в России неуклонно возрастала доля сделок, обслуживавшихся через бартер, причем, по некоторым оценкам, в 1997–1999 гг. около 80–90% от общего объема промышленной продукции обменивалось через бартер (в 1991–1994 гг. этот показатель составлял около 40%, а в 1995–1996 гг. — 75% (Макаров и Клейнер 1999, 82)¹. Исследователи отмечали «устойчивость, жизнеспособность и размах» (Макаров и Клейнер 1999, 79; Розмаинский 2001) бартера в нашей стране. В общем, во второй половине 1990-х гг. экономику России вполне можно было описывать как бартерное хозяйство. Бартер стал рассматриваться как институт.

Однако в нулевых годах довольно резко стали происходить процессы дебартеризации. Уже к середине первого десятилетия XXI века российская экономика перестала быть бартерной. По некоторым данным, в среднем за 2000–2008 гг. через бартер было обменено менее 10% общего объема промышленной продукции (http://www.rusbarter.ru/barter2009_pdf.php)². Налицо загадка дебартеризации.

Правда, в конце 2008 — начале 2009 гг. бартер вновь стал вызывать интерес у растущего количества числа хозяйствующих субъектов. Некоторые аналитики стали говорить о *перспективах ребартеризации*. Однако, как будет показано далее в этой главе, эти перспективы оказались более чем туманными.

Цель данной работы — разрешить загадку дебартеризации в нашей стране в нулевые годы, т.е. в «путинской России», в контексте обсуждения основных характеристик национальной платежной системы. Едва ли не главная мысль, которую мы будем проводить здесь, состоит в том, что *не следует рассматривать использование бартера в отрыве от всей системы расчетов. Нужно учитывать динамику общей структуры средств обращения в экономике России, вкупе с другими «релевантными» элементами финансовой составляющей институциональной среды*. В частности, необходимо принимать во внимание такие способы осуществления расчетов между экономическими субъектами, которые по некоторым своим существенным характеристикам — например, анонимность — похожи на бартер.

Однако сначала следует вспомнить и осмыслить комплекс причин, породивших бартеризацию в России 1990-х гг.

2. О БАРТЕРИЗАЦИИ 1990-Х И ДЕБАРТЕРИЗАЦИИ 2000-Х ГОДОВ

Можно выделить следующие факторы распространения бартера в течение первых нескольких лет после проведения «радикальных рыночных преобразований».

Во-первых, *институциональная неадекватность* государства (Малкина и Розмаинский 2001, 571–577; Розмаинский 2009, 56), т.е. отсутствие государственной защиты прав собственности и заключенных контрактов вкупе с быстро развивавшейся теневизацией экономики. Эта теневизация проявлялась не только в растущей доле доходов и хозяйственных процессов, скрывающихся от налогообложения, но и в значительной доле хозяйственных споров и конфликтов, разрешавшихся благодаря вмешательству криминальных группировок. Использование бартера облегчало сокрытие фактов хозяйственной деятельности и ее результатов от налогообложения в частности и от государственного контроля в целом.

¹ По другим данным, доля бартера в расчетах промышленных предприятий возросла с 9% в 1993 г. до 35% в 1996 г. и 51% в 1998 г., снизившись затем в 1999 г. до 40%, см.: Расков 2006, 71.

² По другим данным, доля бартера в расчетах промышленных предприятий снизилась с 40% в 1999 г. до 25% в 2000 г. и 16% в 2001 г. (Расков 2006, 71). В 2002 г. этот показатель составил 10% (Полтерович 2007, 101). По некоторым сведениям, в 2000-е гг. доля бартера вообще составляла около 2%. (<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/417389/>).

К этому же пункту можно отнести так называемый «правовой беспредел». Например, «такие явления, как отсутствие в законах определения механизмов их реализации, неисполняемость законов, аморфность формулировок, содержащихся в их текстах, несоответствие различных законов друг другу и “юридические пустоты” (типа наличия в одном законе отсылки на другой закон, который пока еще не принят) представляли собой общее место в России 1990-х годов» (Малкина и Розмаинский 2001, 572; Удовенко и Гуринович 1994).

Во-вторых, отсутствие реально работающего законодательства о банкротствах. Предприятия, «расплачивавшиеся» по своим обязательствам бартером, продолжали свое существование, вопреки нормам «обычных» рыночных хозяйств. Использование бартера было способом «поддержания на плаву» неплатежеспособных предприятий.

В-третьих, резкий и глубокий спад производства, вызванный, в частности, резким и глубоким сокращением совокупного спроса. Подобная тенденция, разумеется, создавала условия для неплатежеспособности множества предприятий.

В-четвертых, проводившаяся согласно принципам шоковой терапии ограничительная макроэкономическая политика правительства, проявлявшаяся, в частности, в урезании расходов на социальные нужды, увеличении налоговых ставок и (иногда) жесткой денежной политике. Разумеется, такая политика усиливала воздействие на платежеспособность предприятий причины, упомянутой в предыдущем пункте. Подобное усиление проявлялось в растущей «нехватке денег». Коэффициент монетизации (отношение $M2$ к ВВП) составлял в 1993 г. 19,9%, в 1994 г. — 16%, в 1995 г. — 14,3%, в 1996 г. — 13,8%, в 1997 г. — 15,2 %, в 1998 г. — 16,8%, в 1999 г. — 14,8% (Расков 2006, 63). Для сравнения: в 1995 г. в США и Италии этот показатель составлял более 50%, в Германии и Франции — более 60%, в Великобритании — чуть меньше 100%, в Японии — более 100% (Расков 2006, 64).

При этом, в среднем в странах еврозоны за 10 лет (начиная с 1995 г.) этот коэффициент возрос с 72,5% до 89,2%. А в Великобритании величина этого коэффициента в 1986 г. составляла 46,2%, а затем в течение 20 лет увеличилась до 116,5% (Галкина 2008).

Можно также отметить, что в 1996 г. более низкий коэффициент монетизации, чем в России, наблюдался только в Армении, Туркменистане и некоторых странах Африки³.

«Уровень монетизации можно в определенной мере рассматривать как *уровень доверия экономике*. Экономике с высоким уровнем монетизации ассоциируются с присутствием долгосрочных кредитов, в то время как в экономиках с низкой монетизацией преобладает краткосрочный капитал. А от этого, понятно, очень сильно зависит устойчивость экономики» (Галкина 2008).

Нехватка денег в обращении затрудняла осуществление расчетов между экономическими субъектами (более того, на некоторых предприятиях денежная составляющая в выручке оказывалась даже меньше фонда оплаты труда!). По некоторым данным, в конце 1990-х гг. около 5% предприятий осуществляли расчеты с контрагентами в течение двух месяцев, а половина — в срок до 6 месяцев. Что же касается энергетического и газового комплекса, то в нем затягивание окончательных расчетов на несколько лет стало нормой в те годы.

В-пятых, создание и быстрое расширение рынка ГКО — ОФЗ, на котором обращались ценные бумаги с чрезвычайно привлекательной доходностью. «Вследствие высокого процента по ГКО (достигшего в 1997–1998 гг. ста и более процентов годовых) использование “дорогих” денег для обслуживания производства оказывалось неэффективным» (Полтерович 2007, 100).

В-шестых, высокая инфляция, делавшая использование денег менее выгодным, чем использование товаров. Например, темпы прироста потребительских цен состав-

³ Естественно, речь идет о странах, в отношении которых есть подобные данные.

ляли в 1992 г. 2506,1%, в 1993 г. — 840%, в 1995 г. — 131,3%, в 1998 г. — 84,5% (*Расков* 2006, 74).

В-седьмых, отсутствие каких-либо попыток со стороны правительства противодействовать расширению объема бартерных операций.

На наш взгляд, именно этот комплекс причин объясняет бартеризацию российской экономики в 1990-е гг. Можно отметить следующее: бартеризация была способом выживания неэффективных предприятий в условиях глубочайшего трансформационного спада, реализации принципов шоковой терапии, в значительной мере связанной с этими двумя аспектами нехватки денег в обращении, неработающего законодательства о банкротстве и институциональной неадекватности государства.

Между прочим, здесь можно понять, почему подобные масштабы бартеризации отсутствовали в странах Восточной Европы. В этих странах государство было «институционально адекватным», закон о банкротстве реально работал, а спад производства и степень «шоковости» терапии были более умеренными (или, как в Венгрии, реализовывалась стратегия градуализма).

Теперь давайте рассмотрим, что происходило с переменными, формировавшими описанный комплекс причин бартеризации, в нулевые годы XXI в.

Во-первых, если в 1990-е гг. ведущую роль в разрешении конфликтов играли представители частных криминальных структур, то в нулевые годы «инициативу перехватили» государственные чиновники. Кроме того, процесс теневизации остановился; доля теневого сектора, по-видимому, не уменьшилась, но и не увеличилась. Наконец, явления «правового беспредела», столь характерные для «лихих девяностых», стали относительно менее редкими. Все это могло способствовать дебартеризации, несмотря на то что проблема институциональной неадекватности государства хотя и смягчилась, но полностью так и не разрешилась.

Во-вторых, законодательство о банкротствах стало работать более эффективно. Впрочем, это проявилось в первую очередь в рейдерских захватах привлекательных предприятий.

В-третьих, в этот период происходил быстрый экономический подъем. Совокупный спрос и доходы агентов увеличивались. Особую роль в таком увеличении сыграли «поток «дешевых» кредитных денег и «выручки» от продажи нефти и газа» (http://www.rusbarter.ru/barter2009_pdf.php). Не последнюю роль здесь сыграло «почти двукратное обесценение рубля в реальном выражении» (*Полтерович* 2007, 128), стимулировавшее спрос на российский экспорт и резко сократившее импорт. Возможно, этот комплекс аспектов и есть основная причина дебартеризации.

В-четвертых, хотя макроэкономическую политику правительства можно квалифицировать как жесткую (что проявлялось, прежде всего, в увеличении бюджетного профицита), эта жесткость все-таки не охлаждала экономическую конъюнктуру. Кроме того, в значительной степени благодаря событиям, описанным в предыдущем пункте, происходило постепенное насыщение экономики деньгами. «Повышение степени монетизации российской экономики, стимулировавшей темпы экономического роста и снижение инфляции, было санкционировано под воздействием притока валютной выручки от сырьевого экспорта и иностранного капитала...» (*Смирнов* 2008). Коэффициент монетизации неуклонно возрастал, хотя и медленно. Этот показатель составлял в 2000 г. 16,2%, в 2001 г. — 18%, в 2002 г. — 19,7%, в 2003 г. — 24,2%, в 2004 г. — 26% (*Расков* 2006, 63), в 2005 г. — 28%, в 2006 г. — 33,4%, в 2007 г. — 40% (*Смирнов* 2008).

В-пятых, в 2000-е гг. в экономике России не существовало феномена, подобного рынку ГКО — ОФЗ, потерпевшему крах в августе 1998 г. Не существовало финансовых активов, отвлекавших деньги от обслуживания сделок в реальном секторе (*Полтерович* 2007, 130).

В-шестых, темпы инфляции в указанный период были гораздо ниже, чем в предыдущее десятилетие. Начиная с 2000 г. эти темпы неуклонно падали. В 2000 г. темп прироста потребительских цен составлял 20,2%, в 2001 г. — 18,6%, в 2003 г. — 12%, в 2005 г. — 10,9%.

В-седьмых, реализация «... жесткого прессинга бартера со стороны налоговых и контролирующих органов...» (http://www.rusbarter.ru/barter2009_pdf.php) в виде запрета взаимозачетов, установления предельных сроков осуществления расчетов, корректировки схем налоговых вычетов при использовании бартера и взаимных неплатежей, более частых проверок со стороны налоговых и прочих «контролирующих» органов и т. д.

В частности, можно упомянуть такие документы, как постановление Совета Министров от 30 декабря 2002 г. № 1822 «О нормативах использования неденежной формы прекращения обязательств», письмо Министерства экономики от 17 февраля 2003 г. № 16-01-10/1065 или постановление Министерства статистики от 3 марта 2003 г. № 31 «О внесении изменений в форму государственной статистической отчетности № 5-ф» (<http://www.neg.by/news/1056.html>).

В этом же пункте можно упомянуть также деятельность отдельных крупных монополистических компаний. Например, РАО «ЕЭС России». В 2000 г. отрасли, которую «представляет» эта компания, удалось выйти почти на 100%-ные денежные расчеты, иными словами, практически полностью отказаться от бартера (<http://www.barter-center.ru>). Данный результат был достигнут благодаря едва ли не чрезвычайному ужесточению политики этой компании в отношении тех ее клиентов, которые не желали расплачиваться деньгами: некоторых злостных неплательщиков просто отключали от пользования электроэнергией.

Представляется, что у экономических субъектов резко исчезли как (некоторые) стимулы к использованию бартера, так и возможности для этого. Главный аспект — длительное оживление экономической конъюнктуры. Как писал В.М. Полтерович, «рост сам по себе является важным фактором роста» (Полтерович 2007, 125). Возникшие благодаря увеличению ВВП и насыщению экономики деньгами широкие возможности использования этих денег для погашения обязательств быстро вытеснили многоходовые бартерные цепочки из хозяйственной жизни. Поэтому в нулевые годы потребность в применении таких бартерных цепочек резко сократилась, тем более что такие цепочки уже не служили для защиты от обесценения денег вследствие инфляции. Ведь эта инфляция была гораздо ниже. Кроме того, реально работающее законодательство о банкротствах уже не позволяло «замещать» денежные выплаты бартером (конфискация жилья вместо неуплаты долга не в счет). Ну и не надо сбрасывать со счетов административные методы борьбы с бартером. В частности, правительство, используя налоговое законодательство, пыталось сделать использование бартера невыгодным для предприятий-налогоплательщиков.

Если описывать все происходившее, используя терминологию знаменитой работы В.М. Полтеровича об институциональных ловушках (Полтерович 1999), то можно сказать следующее. Вышеописанные события, произошедшие в 2000-е гг., привели к сильному возрастанию транзакционных издержек использования бартера, что и привело к резкому уменьшению объемов его использования и, в конечном счете, к его *деинституционализации*. Иными словами, если же в 1990-е гг. «... бартер из явления превратился в устойчивый общественный институт...» (Макаров и Клейнер 1999, 90), то в 2000-е гг. *институциональную проблему* дебартеризации в целом удалось решить. В эти годы из общественного института бартер «обратно превратился» в частное явление.

3. О НЕДОРАЗВИТОСТИ СТРУКТУРЫ СРЕДСТВ ОБРАЩЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Означает ли все это, что характеристики структуры средств обращения в России приблизились к ее характеристикам в странах Запада? Мы полагаем, что нет. Чтобы обосновать ответ, сначала вспомним о предложенной нами в конце 1990-х гг. концепции денежной деградации (Розмаинский 1997). Под денежной деградацией мы понимаем «...процесс увеличения в структуре совокупного запаса средств обращения таких активов, использование которых повышает трансакционные издержки и затрудняет финансирование дорогостоящих и долгосрочных производственных инвестиций» (Розмаинский 2002, 55). Конкретно, в России 1990-х гг. денежная деградация проявлялась в увеличении бартера, неплатежей и наличности в общем объеме средств обращения. Все эти три «вида средств обращения» объединяет анонимность. Иными словами, эти средства хорошо подходят для финансового обслуживания сделок, когда их участники стремятся скрыть результаты таких сделок или сам факт их осуществления. Кроме того, такие активы годятся в том случае, когда сделки носят краткосрочный и/или локальный характер.

Мы полагаем, что *наличность, бартер и (взаимные) неплатежи являются в определенной степени взаимозаменяемыми видами средств обращения, причем бартер и (взаимные) неплатежи можно воспринимать как органическую часть неофициальной денежной массы в стране* (Расков 2006, 69–73; Розмаинский 1997).

Когда экономические субъекты стремятся скрыть свою деятельность (и/или доходы от нее) от налогообложения, и при этом их сделки носят краткосрочный и локальный характер, то они склонны к использованию либо бартера, либо (взаимных) неплатежей, либо наличности (Розмаинский 2002, 55–56).

В этой связи интересен следующий аспект. Сокращение доли использования бартера и почти полное исчезновение неплатежей не сопровождалось уменьшением доли наличности (при увеличении всей официальной денежной массы довольно быстрыми темпами). В нулевые годы доля $M0$ в $M2$ по-прежнему осталась на уровне 35–40%. Это намного ниже, чем в промышленно развитых странах. Например, если же в 2002 г. доля наличности в денежной массе в России составляла 35,7%, то в Великобритании — 2,3%, в Германии — 5,2%, в Италии — 8,2%, во Франции — 7%, в Китае — 9,2%, в США — 8,9%, в Японии — 10,7%, в Финляндии — 3,2% (Расков 2006, 69). «Высокий уровень наличной денежной массы ведет к слабой управляемости денежного хозяйства, переизбытку коротких денег, слабой мультипликации денежной массы, свидетельствует о значительном теневом секторе в российской экономике» (Расков 2006, 69).

Поэтому нельзя не согласиться со следующим утверждением: «... на наш взгляд, принципиальным моментом является структура денежного агрегата $M2$, значительная доля которого должна приходиться на безналичную составляющую (кредиты), что позволит ограничивать инфляцию, а также в большей степени стимулировать конечный спрос» (Кайсаров и Харлампиев 2005). Мы полагаем, что основным компонентом конечного спроса здесь являются инвестиции в основной капитал.

При этом отношение $M0$ к $M2$ — не единственная «релевантная» для нас характеристика системы денежного обращения. Другой важный показатель — коэффициент монетизации. Хотя, как отмечалось выше, в течение 2000-х гг. этот коэффициент увеличивался, его значение все-таки было значительно меньше, чем в западных и восточноевропейских странах. В 2007 г. в Венгрии этот показатель составлял около 50%, в Чехии — 70%, в Японии — 136% (Галкина 2008); в России, как уже отмечалось выше, в этом же году он составлял 40%.

Наконец, есть еще одна важная характеристика — наличие или отсутствие денежных агрегатов *M3* и *M4*. В России эти агрегаты до сих пор не сформированы, в отличие от промышленно развитых стран.

Указанные три аспекта — большая доля наличности в общей денежной массе (*M2*), низкий коэффициент монетизации и несформированность агрегатов *M3* и *M4* — позволяют говорить о недоразвитости системы денежного обращения России. Эта система не может обеспечить эффективное финансирование долгосрочных и дорогостоящих инвестиционных проектов, а также испытание, внедрение и диффузию инноваций. Данное обстоятельство — одно из важнейших причин принципиальной неинновационности российского хозяйства.

Поэтому сложно спорить со следующим тезисом. «Наиболее важная проблема российской финансовой системы — ее небольшой масштаб. Отношение актива банковской системы к ВВП на 01.01.08 составляет около 61%, а в развитых странах свыше 100%. В общем, банковская система *пока еще недостаточно развита*. Отражением этой неразвитости является в первую очередь личная бедность значительной части населения — около 30–40%, поэтому, по данным социальных опросов, около 50% населения не имеет сбережений» (Смирнов 2008).⁴

При этом мы, в общем, готовы согласиться с тем, что «существенная причина отставания экономики и финансовых рынков — отсутствие рыночной капитализации значительной массы ресурсов страны, прежде всего земли, доставшейся нам в наследие от административной экономики. Собственность формирует активы, капитал, накопления, инвестиции и экономическое развитие. Нет собственности (или хотя бы долгосрочной аренды), не может быть инвестиций, кредитования, развития — экономика не может усвоить деньги. Наша структура собственности не соответствует развитым рыночным отношениям» (Смирнов 2008).

Мы полагаем, что фундаментальное объяснение описанных недостатков должно быть связано с анализом институциональной структуры той экономической системы, которая стала складываться в российской экономике в 1990-е гг. и которую мы стали несколько лет назад называть *семейно-клановым капитализмом* (Розмаинский 2004; см. также: Розмаинский 2009, 56–59). Основные особенности — уже упоминавшаяся выше институциональная неадекватность государства в виде низкой степени государственной защиты прав собственности и заключаемых контрактов, а также принуждение к выполнению договоров со стороны различных семей и кланов (отсюда и название системы), высокие административные барьеры входа на различные рынки и т. д.

Подобные свойства приводят к двум аспектам. Во-первых, к распространенности нормы оппортунизма среди хозяйствующих субъектов, что порождает их недоверие друг другу и, как следствие, «фрагментацию» и «архипелагизацию» экономики. В результате такая экономика распадается на множество локальных замкнутых сообществ. Например, развитие банковской системы в России ориентировалось и продолжает ориентироваться на обслуживание локальных бизнес-групп.

Во-вторых, указанные свойства приводят к очень короткому горизонту планирования, а «в пределе» — к инвестиционной близорукости, состоящей в том, что экономические агенты отсекают из рассмотрения будущие переменные, начиная с некоего порогового момента времени (Розмаинский 2006).

Описываемые свойства не формируют у агентов склонности к реализации инвестиционных проектов, требующих долгосрочного финансирования и вовлекающих большое количество хозяйствующих субъектов. В результате не формируется спрос на

⁴ При этом, как отмечает этот же автор, «...около 60% всех финансовых ресурсов концентрируются в Москве, что свидетельствует о глубоких региональных диспропорциях» (Смирнов 2008). Кстати говоря, по другим оценкам, доля финансовых ресурсов, сосредоточенных в столице России, достигает 70–80%.

соответствующие финансовые ресурсы, создаваемые развитой банковской системой (Ноздрань и Березин 1993). Поэтому не происходит прогресса этой системы. Незрелость же финансовой системы, в свою очередь, создает препятствия для финансирования подобных инвестиционных проектов. В результате экономика оказывается в своеобразном варианте «ловушки бедности», когда низкое «побуждение к инвестированию» и незрелость системы денежного обращения (и шире, финансовой системы) взаимно влияют друг на друга.

В 1990-е гг. российская экономика, безусловно, пребывала в этой ловушке. В 2000-е гг. у нее возникли реальные шансы выбраться из нее. Феномен дебартеризации, казалось бы, свидетельствует об этом. Однако анализ большего числа данных — прежде всего тех, которые мы только что обсуждали, — коэффициента монетизации и др., свидетельствует скорее об обратном. Иными словами, полностью преодолеть последствия произошедшей в 1990-е гг. денежной деградации так и не удалось.

4. РЕБАРТЕРИЗАЦИЯ ВОЗМОЖНА?

Можно ли говорить о полном искоренении бартера в начале XXI в. в России? По некоторым данным (<http://www.gbisp.ru/barter11/>), в 2008 г. около половины крупных промышленных предприятий России были вовлечены в бартерные отношения, например, АвтоВАЗ, а также многие компании металлургической, угольной, энергетической и машиностроительной отраслей.

Но «не это главное». События, начавшие происходить в российской экономике в конце 2008 — начале 2009 гг., продемонстрировали, что бартер гораздо жизнеспособнее, чем казалось в середине нулевых годов. Начиная с сентября 2008 г., т.е. как раз с началом глобального финансового кризиса, интерес к бартеру среди российских предприятий стал резко возрастать. Это можно объяснить как дальнейшим развертыванием кризиса, так и высокой степенью развитости информационных технологий и систем в настоящее время, развитости, выражающейся в большом количестве компьютеров на душу населения и широкой распространенности доступа в Интернет. Некоторые аналитики стали утверждать, что *электронный бартер* окажется реально имеющей место реакцией большого количества российских (и не только российских) предприятий на текущий мировой финансовый кризис. Чем глубже и продолжительнее окажется этот кризис, тем больше оснований ожидать распространения электронного бартера. Тем более что отношение государства к бартеру несколько изменилось. «С 1 января 2009 года Государственная Дума и Правительство РФ отменили особый порядок принятия к вычету НДС при совершении товарообменных операций, зачетов взаимных требований и при использовании в расчетах ценных бумаг» (<http://www.gbisp.ru/barter11/>).

По прогнозам некоторых аналитиков, к концу 2009 г. доля сделок, обслуживаемых через бартер, должна была достигнуть уровня 1995 г. (<http://www.gbisp.ru/barter11/>). Но этот прогноз не подтвердился. По некоторым сведениям, с сентября 2008 г. по февраль 2009 г. интерес к бартерным сделкам возрос почти на 500% (http://www.rusbarter.ru/barter2009_pdf.php). Однако, видимо, подобная динамика в дальнейшем не продолжилась.

В одном из эмпирических исследований, проведенных в начале 2009 г., было опрошено более 1 000 предприятий, подавших заявки на осуществление сделок с использованием электронного бартера. В анкетах задавался, в частности, вопрос о том, каковы причины, побудившие делать заявки на бартерное обслуживание. Наиболее популярными оказались следующие ответы: 38% респондентов назвали в качестве главной причины «недостаток ликвидности и оборотных средств», 26% — «затовари-

вание складов», 16% — «нежелание останавливать производство» (http://www.rusbarter.ru/barter2009_pdf.php). Эти данные убедительно подтверждают очевидную истину о влиянии экономического и финансового кризиса на желание использовать бартер. При этом 85% опрошенных заявили, что они будут «работать по бартеру несмотря ни на что» (http://www.rusbarter.ru/barter2009_pdf.php).

И еще немного эмпирики. По некоторым данным, в первом полугодии 2009 г. доля бартерных операций достигала в промышленности 10%, в сфере услуг — 20%, в сельском хозяйстве — 25% (<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/417389/>). Количество предприятий и физических лиц, зарегистрированных в системе РОСБАРТЕР, увеличивалось в начале 2009 г. на 50–70 пользователей ежедневно. В начале апреля 2009 г. количество таких предприятий составляло 1 100, а к концу июня 2009 г. превысило 2 300. Наконец, в Челябинской области в мае 2009 г. доля бартера при приобретении стройматериалов колебалась от 40 до 70% от общего объема закупок (<http://www.rg.ru/2009/05/21/reg-ural/barter.html>).

Однако нельзя не отметить, что аналогичных данных о росте бартера применительно к концу 2009 — началу 2010 г. нам найти не удалось. Поэтому мы склоняемся к тому, чтобы интерпретировать приведенную в предыдущих абзацах информацию не более чем как краткосрочную реакцию на кризис, реакцию, которая, по-видимому, быстро сошла на нет.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Загадка дебартеризации разгадывается следующим образом. В условиях длительного оживления экономической конъюнктуры, оживления, обусловленного, в первую очередь, ростом спроса иностранцев на основные статьи российского экспорта — нефть и газ, и связанного с этим оживлением увеличения коэффициента монетизации и роста кредитной активности банков вкупе с крахом рынка ГКО — ОФЗ использование бартера довольно быстро стало невыгодным. К этим факторам добавился административный и налоговый прессинг со стороны правительства. Все это резко повысило транзакционные издержки использования бартера и позволило выбраться нашей экономике из институциональной ловушки бартеризации. Несмотря на кажущуюся очевидность влияния на дебартеризацию этих событий, мы готовы отчасти согласиться со следующим утверждением: «Причины резкого уменьшения доли бартерных обменов не до конца ясны и заслуживают дальнейшего изучения» (Полтерович 2007, 128).

Безусловно, дебартеризацию российской экономики 2000-х гг. следует расценивать как положительное явление. Однако она не означает полного приближения нашей платежной системы к стандартам развитых стран. *По ряду важных характеристик наша система средств обращения коренным образом отличается от западной системы. Ключевые отличия, поддающиеся измерению, — низкий коэффициент монетизации, большая доля наличных денег в общей денежной массе, несформированность денежных агрегатов М3 и М4.* Основные причины подобной недоразвитости денежной системы — низкая степень государственной защиты прав собственности и контрактов, административные барьеры входа на различные рынки, взаимное недоверие экономических субъектов, большая доля теневого сектора и (отчасти как следствие все этих перечисленных причин) неблагоприятный инвестиционный климат. Основные же последствия указанной недоразвитости — суженные возможности финансирования долгосрочных и дорогостоящих инвестиций, а также испытания, внедрения и диффузии инноваций. *Слаборазвитая денежная система — одно из серьезных препятствий для перехода России на рельсы быстрого и устойчивого роста, базирующегося на иннова-*

циях, а не на экспорте нефти и газа в условиях благоприятной мировой конъюнктуры рынков на эти ресурсы.

Совершенно справедливо утверждение о том, что «России необходимо существенно модернизировать экономические принципы, строить не монополизированную экономику, а нормальную капиталистическую экономику “равных возможностей”, основанную на реальной доступности частной собственности, финансовых ресурсов и свободы предпринимательства» (Смирнов 2008). «Равные возможности» могут возникнуть только в экономической системе, в которой все агенты равны перед законом, а права собственности и контракты надежно защищены государством. Экономическая система, характеризующаяся институциональной неадекватностью государства, обрекает ее субъектов на неравные возможности. Именно такой системой является семейно-клановый капитализм.

Одна из попыток преодоления этого в неблагоприятных экономических условиях, например в периоды кризисов, может заключаться в использовании бартера. Поэтому в подобной системе периодически возникающие волны дебартеризации и ребартеризации не следует рассматривать как нечто невозможное. Тем более что компьютеризация и широкий доступ в Интернет в экономических субъектах России создают возможность нового витка развития бартерных отношений «иногo качества».

В то же время текущее состояние и нашей экономики в целом, и денежного обращения в частности не дает оснований согласиться с тезисом о реальной возможности быстрого роста доли бартера в России десятых годов XXI в. Дело не только в признаках экономического оживления, но и в том, что все-таки на практике большинство хозяйствующих субъектов предпочитают в качестве средства расчетов деньги, а не бартер. Насыщенность нашей экономики деньгами достаточна, чтобы не допустить быстрого и длительного роста бартера. Можно почти с полной уверенностью с уверенностью утверждать: возврата в «бартерные девяностые» не будет, а упомянутые волны ребартеризации будут носить, скорее всего, ограниченный и локальный характер и обязательно будут сменяться (также упомянутыми) волнами дебартеризации.

ЛИТЕРАТУРА

Галкина И. (2008). Инвестиции против инфляции. (<http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=105413>).

Кайсаров А.А. и Харлампиев Д.Н. (2005). Трансформация валютного и банковского регулирования как фактор стратегических изменений в экономике России // Евразийский международный научно-аналитический журнал. Проблемы современной экономики. № 3 (15). (<http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=21051>).

Макаров В.Л. и Клейнер Г.Б. (1999). Бартер в России. Институциональный этап // Вопросы экономики. № 4.

Малкина М.Ю. и Розмаинский И.В. (2001). Основы институционального подхода к анализу роли государства // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р. М. Нуреева. М.: МОНФ.

Ноздрань Н. и Березин И. (1993). Денежные агрегаты: теория и практика // Вопросы экономики. № 6.

Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Том 35. № 2.

Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.

Расков Н.В. (2006). Переходная экономика России. Экономика кривых зеркал. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета.

Розмаинский И.В. (1997). Криминализация экономики и денежная деградация как факторы инфляции издержек в России // Семинар молодых экономистов. Вып. 3. Декабрь.

Розмаинский И.В. (2001) Соотношение между денежной и бартерной экономикой: институционалисты и посткейнсианцы против неоклассиков / Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ.

Розмаинский И.В. (2002). Расширение теневой экономики и «денежная деградация»: пагубная взаимосвязь // Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. 4/2.

Розмаинский И.В. (2004). Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 2. № 1.

Розмаинский И.В. (2006) «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике // Вопросы экономики. № 9.

Розмаинский И.В. (2009). Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход // Вопросы экономики. № 6.

Смирнов А. (2008). Политика денежной стерилизации себя полностью исчерпала. (<http://www.rb.ru/community/articles/articles/2008/05/26/170003.html>).

Удовенко С.П. и Гуринович А.Г. (1994). Правовое обеспечение формирования рыночной экономики в России: нерешенные проблемы // Вестник СПбГУ. Серия 5 (Экономика). Вып. 3. № 19.

<http://www.barter-center.ru>

<http://www.gbis.ru/barter11/>

<http://www.neg.by/news/1056.html>

<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/417389/>

<http://www.rg.ru/2009/05/21/reg-ural/barter.html>

http://www.rusbarter.ru/barter2009_pdf.php